

Музыка в моей жизни

В этом году Ленинградскому рок-клубу исполнилось сорок лет. В далекой юности как будто бы случайная встреча с одним из основателей советского рок-движения оставила в моей душе неизгладимый след и любовь к рок-музыке на всю жизнь.

Сколько себя помню, в нашей семье всегда звучала музыка. Мой отец, фронтовик, по профессии агроном, любил гостей. В начале 1950-годов мы жили в большом коммунальном доме в Удомле, и наши родители постоянно собирались или у кого-то в квартире, или просто во дворе, пели и танцевали. Когда мы переехали в Паношино, в праздники и обязательно на День Победы к нам приходили гости, пели застольные, душевные песни, песни военных лет. Мы, ребята, сидели на печке и слушали, стараясь быть незаметными.

Тогда у всех были патефоны и пластинки. По очереди крутили ручку, плясали и пели под эти записи. А они были немудреные: Мария Мордасова, Лидия Русланова, Изабелла Юрьева, Клавдия Шульженко, духовые оркестры, арии из опер, песенки из оперетт, песни военных лет, Марк Бернес, Леонид Утесов. Затем появилась пластинка с песнями ансамбля «Дружба».

Радиола «Резонанс»

Одними из первых в деревне Паношино мы приобрели радиолу «Резонанс», на которую заработали всей семьей, собирая клюкву. Стоила радиолоа 55 руб., а килограмм клюквы принимали за 55 копеек. Нужно было набрать 100 кг. Для этого мы не только все вместе ездили каждый выходной на дальние болота, но и, приходя из школы, я бежала одна с пятилитровым бидоном на ближнее болото за 3-5 километров от Удомли и затемно возвращалась домой.

Как-то раз мы ехали с колхозниками за клюквой на Турошинское болото, в сторону хутора «Америка» (вряд ли про него сейчас кто-то помнит). Ранняя осень, сухо, в д.Лайково-Храповицкое пересаживаемся с машины на трактор ДТ-54 с длинными санями (лесовоз) и едем через бревенчатую гать по болоту. В один прекрасный момент сани вместе с пассажирами садятся на гать, а трактор благополучно уезжает вместе с полозьями.

Вот такие дороги были у нас всегда. Да, они не промышленного значения, но там жили люди и выбраться им оттуда или добраться туда было невозможно ни тогда ни, думаю, сейчас.

Денег от сдачи клюквы все равно не хватило, но родители добавили из семейного бюджета и радиолу купили. Когда наша мама в 90-е годы уезжала из Удомли в Пензу на постоянное местожительство, то очень хотела забрать ее с собой, но дорога дальняя, а приемник, размером с приличную тумбу, все же решила оставить. Но за 30 с лишним лет эта радиолоа ни разу не была в ремонте!

В шестидесятые годы возникали различные ВИА. Стали появляться пластинки с записями артистов зарубежной эстрады: Доменико Модуньо, Робертино Лоретти и наших, советских: Майя Кристалинская, Эдита Пьеха, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Лариса Мондрус и другие. Пластинки в Удомле продавали в книжном магазине, тогда он назывался Кагиз (Калининское государственное издательство), и в день привоза там было настоящее столпотворение.

Позже родители каким-то чудесным образом оформили подписку на журнал «Кружозор», где были гибкие виниловые пластинки с эстрадными новинками.

Кружок киномехаников

Я занималась в школе в кружке киномехаников, руководителем была Нонна Петровна Григорьева. Сначала в кабинете физики крутили фильмы на простом кинопроекторе для начальной школы – он назывался «Школьник». На уроках физики мы смотрели учебные фильмы, а вот в кружке – художественные и мультипликационные. Самым большим спросом пользовались «Кошкин дом» и «Бременские музыканты», потому что экран – во всю учебную доску, качество хорошее, сюжет веселый. В то время не многие имели телевизоры, а если у кого и были, то с маленькими экранами, черно-белые, да еще, то в линзе на экране вода переливается, то пленка в цветную полоску вставлена, чтобы красивее было, а уж мультики показывали крайне редко. Вечно смотришь, прищурившись, корову от собаки не отличить.

Потом мы стали помогать крутить фильмы на дневных сеансах в Удомельском Доме культуры, поэтому в клубе я была «своим человеком». Техника ужасно допотопная, до сих пор трясусь, когда вспоминаю сеанс со старой кинопленкой: сидишь наверху в будке, глядишь в крохотное окошко на экран в зале. И вдруг – обрыв. Зал ревет, топает ногами, а ты второпях склеиваешь на станочке пленку. Затем дрожащими руками вставляешь ее в аппарат, а там полсотни колесиков, через которые нужно провести пленку. И вот – все получилось!

Тишина, все увлечены фильмом, а ты ждешь следующего обрыва. Рядом всегда был штатный киномеханик, но он радостный, то чай пьет, то с билетершей пойдет поболтать. По шуму в зале поймет, что обрыв пленки, но не очень спешил, знал, что справимся. На вечернем сеансе мы не работали, там была публика посерьезнее. Все это – без оплаты, на голом энтузиазме. Но сколько получали удовольствия и как были горды собой!

Первые магнитофоны и танцы в клубе

Мне 15 лет. 1965 г.

Появились катушечные магнитофоны. Одним из первых обладателей их был мой сосед по улице Гагарина, Аркаша Вихров. Он был старше года на три, но дружил с моей старшей подружкой Женькой, и поэтому мы частенько сидели у него дома и слушали модные записи. Тогда он и познакомил нас с песнями группы «Битлз». Сам он тоже старательно «косил под Битлов»: носил узенькие брючки на мыле, галстучек, а на голове взбивал белобрысый кок. В школе ему за это здорово доставалось.

По вечерам в выходные, уже шестнадцатилетними, мы стали ходить на танцы в наш местный Дом культуры. Пластинки на проигрыватель ставил дежурный, иногда я сидела за диджея, как бы сейчас сказали, тогда это никак не называлось. При этом нужно было следить, чтобы никто не лез под руку и не поменял пластинку раньше времени, отгонять особо ретивых: каждый просил то повеселее, то помедленнее, то «Белый танец», то попрыгать.

Танцы в ДК – это отдельная песня. Представьте – большой зал на втором этаже, окна открыты настежь, благо рядом не было жилых домов, по всему периметру сидят местные кумушки и обсуждают молодежь: кто в чем, кто с кем, не позволят ли себе лишнего и не дай Бог попасть им на язык, а назавтра вся Удомля обсуждала «последние события». В большей мере это было сдерживающим элементом, не помню на танцах никакого шума или драк. Если и выясняли отношения, то на улице, вдалеке от «придирчивых глаз».

Мой музыкальный кругозор становился разнообразнее, конечно, в пределах возможного. Появились записи фестивалей в Сопоте, Сан-Ремо, «Золотой Орфей», стали

доступны записи зарубежных исполнителей, в основном, социалистических стран. У них уже совершенно другие ритмы, другая мелодия, иное исполнение.

Художественная самодеятельность

В те годы была очень развита художественная самодеятельность. Благодаря своему отличному слуху и высокому, чистому голосу, я участвовала, пожалуй, во всех школьных концертах и была их ведущей. Объявляла номера, делала ремарки к выступлениям, и все по наитию, учить было некому, но получалось, наверное, неплохо, зрители очень тепло встречали и со сцены не гнали.

Ездили по колхозам, выступали в клубах, избах-читальнях, в правлениях колхозов. Тогда в каждой деревне обязательно был такой культурный уголок. Нас, «артистов», привозили на грузовике, вытряхивали у клуба, где собиралось полно народу, свободных мест не было.

Начинали с патриотических хоровых песен, танцев народов братских республик, литмонтажей и заканчивали юморесками и частушками, нередко собственного производства.

Главным заводилой был Юрка Федоров, девочки – Валя Кудрявцева, Надя Федотова, Нина Сорокина, да всех и не перечислить моих дорогих одноклассников, старались все. Вели концерты я или Валя Иванова, а сочиняли тексты все вместе.

Старались, чтобы даже самые тихие, незаметные участвовали в представлениях. Как сейчас помню, уговорили одну девочку Валю, тихую, скромную, играть роль Деда Мороза. Недельку репетировали фразу «С Новым Годом, дорогие ребятюшки!» Других слов не было... Все уже одурели, а она не может выговорить, стоит, как палка. Но все-таки ее уломали, и это был прорыв. Потом мы не могли от нее отбиться, приходилось изыскивать коротенькие эпизоды. После того новогоднего спектакля за мной бегали ребятюшки и кричали «Кощей Бессмертный!» Вот это настоящая слава!

До сих пор у меня хранятся программы школьных КВН-ов, которые мы составляли сами, ведь интернета не было, специальной литературы тоже, приходилось все брать из головы, из журнала «Крокодил» или плохоньких телевизоров.

Федоров Юрий
Алексеевич
1999 г.

Душой нашей агитбригады был очень талантливый человек, мой товарищ Юра Федоров. После окончания школы он некоторое время работал в Удомельской районной газете «Путь Октября» литработником. Его репортажи, зарисовки, заметки были написаны очень профессионально и грамотно. Он постоянно участвовал в литературных конкурсах и мечтал стать журналистом. Но после армии увлекся театром, окончил Театральную студию в Москве, работал режиссером. Я была на его постановке спектакля «До третьих петухов» Василия Шукшина, видела, каким уважением он пользовался в коллективе, и гордилась своим одноклассником. К сожалению, Юра очень рано, в 50 лет, ушел из жизни после операции на сердце.

Красильникова
Екатерина Степановна
1950е гг.

А еще нам повезло на классного руководителя Красильникову Екатерину Степановну, учителя немецкого языка. Она спокойным, негромким голосом ставила перед нами творческую задачу, уверенная, что мы сами справимся, и отходила в сторону. Выглядело это так: «Ребята, через месяц вечер, посвященный поэзии Пушкина, вы посмотрите, что можно подобрать. Нашему классу поручили небольшой спектакль минут на двадцать, парочку стихов и что-нибудь спеть». Все, задание выдано.

Сначала мы сердились: в классе «б» Раиса Ивановна все делала вместе со своими учениками, руководила, шумела, подбирала тексты, а наша классная сидела на задней парте и одобрительно кивала головой.

Мы же искрились идеями, орали, ссорились, мирились и ВСЕГДА занимали первое место. Думаю, это и воспитывало в нас как лидерство, так и чувство коллективизма, умение принимать нестандартные решения. Ответственность и надежда только на самих себя.

Пение у нас преподавал Василий Сергеевич Соловьев. Он прекрасно играл на баяне и репетировал со мной и Таней Соловьевой разные сольные номера и дуэты. Из серии: «то березка, то рябина, куст ракиты над рекой». Он ездил с нами по деревням, поэтому музыкальное сопровождение было неплохое, но иногда приходилось обходиться без баяна, зрители не обижались и всегда нас поддерживали.

Хор учителей

Хор учителей Удомельской школы. Фото начала 1960х гг.

А это хор учителей нашей школы, который тоже участвовал в различных смотрах, только на более серьезном уровне. Наши милые учителя, фронтовики, добрейшие люди. Какие они молоденькие, а казались взрослыми и строгими.

Вот во втором ряду слева стоит Соболев Анатолий Константинович, математик. Его правило умножения дробей (сукрест-накрест) я объясняю сейчас своим внукам. Очень хорошо доходит. Никогда бы не подумала, что он пел в хоре. Такой строгий...

Следом Шутилов Илья Дмитриевич, учитель ботаники. В его кабинете стоял скелет, который был постоянным объектом шуток, и учитель боролся с мальчишками за его сохранность. Пестики-тычинки Ильи Дмитриевича запомнило не одно поколение учеников.

Прасковья Петровна Громова, одна из первых учителей школы, заслуженный педагог РСФСР, химик, непререкаемый авторитет для всех. Прямая спина, гордая осанка, строгий взгляд и умение одним негромким словом поставить ученика на место.

Воинов Петр Васильевич, историк, всегда в отглаженном костюме при галстуке, а Сергеев Яков Ильич, наоборот, носил брюки-галифе и хромовые сапоги, он преподавал военное и тракторное дело.

Четвертая в первом ряду слева Антонова Тамара Александровна. В 16 лет она стала заведующей сельской начальной школой, всю войну преподавала, потеряла мужа, осталась одна с двумя маленькими детьми, но никогда не падала духом, несмотря на свою хрупкость и миниатюрность.

Она сделала для меня, наверное, самое главное: вселила уверенность в своих силах и независимость в суждениях. «Ты такая, какая ты есть, в тебе много способностей». Она уделяла мне большое внимание. Защищала на педсоветах, говорила, что у меня

противоречивый характер, что я сама страдаю от своих поступков, не всегда могу справиться со своим нравом, что я похожа на Печорина, чем я втайне гордилась.

Для какой-то юморески про ленивого мальчика в 6 классе я написала стихи примерно следующего содержания: «Жил да был ленивый Федя, похожий больше на медведя, учить уроки не хотел, а только все толстел, толстел». Она ахнула от негодования: «Разве можно оскорблять человека за то, что он толстый?» Я быстро перестроилась: «Жил да был ленивый Федя, он уроки не учил. Как не стыдно пионеру? В школе двойку получил». Такой поворот событий Тамара Александровна одобрила!

Она была очень сентиментальной, когда я у доски читала "Мцыри", смахивала слезы. Думаю, что и эти записки у меня немножко получаются, благодаря ее похвалам моих стихов и сочинений.

Мне всегда хотелось, приезжая в Удомлю, поговорить с ней. Появиться не просто так, а с результатами своих успехов, в которые она верила. В тот год, когда не стало Тамары Александровны, у меня была своя личная трагедия и никаких успехов я предъявить не могла, одни слезы и разочарования.

Как жаль, что она ушла так рано. Я ее очень, очень любила. Ей было всего пятьдесят три года и уже 50 лет ее нет с нами...

Следом на фото стоит моя первая учительница, Иванова Валентина Михайловна, а за ней – Воинова Валентина Алексеевна, тоже учительница начальной школы, но она вела класс на два года старше нашего, и я иногда сидела у нее на уроках, там было интереснее. Она меня принимала и не перечила такой прихоти. А в своем классе я частенько стояла в углу, изучая географическую карту.

Затем Шутилова Нина Алексеевна, учитель истории. Самые увлекательные уроки приходились на ее долю. Мы ждали их с нетерпением, а я обводила эти уроки в дневнике цветным карандашом. Такая мягкая, обаятельная, уютная.

И крайняя справа, Плоскова Нина Петровна, учитель географии, заслуженный учитель РФ. Всегда строгая, она привила нам любовь к путешествиям, к родному краю. Она создала подробную карту района, со всеми деревушками, ручьями и древними захоронениями. К сожалению, эта карта была утеряна. Нина Петровна прожила долгую жизнь и была для меня примером нестигаемости и гордости. Мы жили с ней на одной улице, она была классным руководителем у моего брата, поэтому общение с ней было тесным не только в школе.

Областной смотр самодеятельности

Еще мне очень повезло, когда к нам в Удомлю приехала офицерская семья, и пение стала преподавать молодая учительница, она играла на фортепьяно. И, если с Василием Сергеевичем мы пели «всякую ерунду», как я тогда думала, типа «Среди долины ровныя» или «Песню о Щорсе», то новая учительница разучивала современные песни. В это время у нас уже не было уроков пения, но кто-то ей подсказал обратить на меня внимание. Она сразу предложила мне заниматься, выбрала репертуар, и мы с успехом участвовали в школьных концертах.

В районном конкурсе самодеятельности я заняла первое место, и меня хотели отправить в Калинин на областной смотр. Я была на седьмом небе от счастья и принимала поздравления. Как вдруг...

Какая-то очередная комиссия решила, что мой репертуар не подходит для школьного смотра. Действительно, это был «Звездный вальс», его исполняла Тамара Милашкина. Песня очень сложная, высочайшая тональность, но она так замечательно получалась, что можно было заслушаться.

А вторая песня диаметрально противоположная: «Цыгане», музыка Г. Жиро (Франция), слова П. Кура, русский текст Л. Дербенева.

*«Вот опять в лицо бьет холодный ветер
И угрюмый дождь падает во тьму...
Нет конца пути, и на целом свете
Ты, цыган, не нужен никому...
Снова ты клянешь и судьбу, и дождь».*

Почему ее выбрала моя учительница, не знаю, но песня очень красивая, масса переходов от грустного к веселому, разнузданному, разные тона. Чудо песня! Но меня не взяли в Калинин. А тут и учительница моя заболела и уехала лечиться в областную больницу, больше она к нам в школу не вернулась.

Доверили везти на смотр нашу группу участников Вичиной Нине Федоровне, очень интеллигентной, вежливой, спокойной учительнице, она редко вела уроки в нашем классе, в основном, подменяла учителей.

Нина Федоровна, видимо, решила поговорить со мной по душам. Подошла на перемене, а я уже знала о своем отчислении и была безутешна. Держалась из последних сил, чтобы не «потерять лицо». Я ей нагубила, сказала все, что думаю по этому поводу и убежала плакать за физкультурный зал.

Было мне на тот момент уже пятнадцать лет, девятый класс. Вечером мама сказала, что меня включили в группу ведущей концерта на выступлении от Удомельского района, а так как репертуар уже было невозможно изменить, то петь я буду на следующий год. Я была безумно счастлива.

Вичина
Нина Федоровна

Мы съездили на смотр, даже навестили нашу учительницу пения в областной больнице, успешно выступили, и только гораздо позже, уже после окончания школы, я узнала, что Нина Федоровна предложила за свой счет отвезти меня в Калинин, потому что ее потрясло мое отчаяние и разрушение веры в справедливость. Вот такие были у нас учителя.

Нина Федоровна сейчас находится в здравии, и мне так хотелось бы выразить ей свою благодарность. Это еще один значимый человек на моем жизненном пути, а их было немало.

Через много лет, когда я уже работала директором стоматологической клиники, на прием пришла пожилая женщина по фамилии Вичина, и я ее спросила, нет ли у нее родственников в Удомле. Оказалось, что Нина Федоровна была ее невесткой. Вот такая встреча.

После окончания мною девятого класса к нам домой пришел директор школы Кротов Николай Николаевич и долго уговаривал папу отправить меня в Калинин, в музыкальное училище, потому что мне дали направление на зачисление без экзаменов. Оба они были фронтовики, папа очень уважал директора, но в Калинин меня не отпустил, объясняя это несерьезностью профессии. Я не помню, чтобы страдала от его решения. Направили учиться Тоню Торгашеву из деревни Санниково, она тоже замечательно пела, была постарше, и, по-моему, тогда уже в школе не училась.

В Ленинграде

После переезда в Ленинград я несколько лет работала на стройке и училась на вечернем отделении института.

Все небольшие деньги тратились на театры и концерты, благо цены были доступными. Даже нам, «лимите несчастной», на театры хватало. А вот на колбасу и наряды – с большим трудом. Правда, тогда мы многое шили сами, а особенно в общежитии, где обязательно была швейная машинка и не одна, а среди девочек полно мастериц. Было бы желание, а нарядиться можно.

Переписывали репертуары концертных залов, Дворцов культуры, вычеркивали из журнальчика «Театральная жизнь» уже просмотренные спектакли. Я обожала театр Музкомедии, все постановки, думаю, тогда посмотрела. Со временем этот жгучий интерес

к театру поостыл, но на выступления певцов, особенно зарубежной эстрады, а тогда это были Радмила Караклаич, Тото Кутуньо, Лили Иванова, Анне Вески, и, конечно, наши: Муслим Магомаев, София Ротару, Людмила Сенчина, по-прежнему, старались попасть. Но эти билеты продавались с «нагрузкой» на какой-нибудь концерт или спектакль, не пользовавшийся успехом. Было накладно.

Концерт Пугачевой

Первый раз я попала на концерт Аллы Пугачевой в 1977 году, уже когда работала в Главке. Билеты на такой дефицит распространяли по предприятиям, и мне неожиданно повезло. Нас было трое, и приятельница Анюта, которая имела много нужных знакомств и ходов, сумела провести нас за кулисы после концерта.

Почти в полуобморочном состоянии я вошла в гримерную. Конечно, мы молчали как рыбы, или я молчала одна, не помню. Только хорошо запомнила усталую, неяркую девочку одного со мной возраста, которая сидела в кресле, безвольно опустив руки, а на полу, в ведрах – цветы. Примерно такое же ощущение осталось у меня через много лет от концерта Кристины Орбакайте. Тоненькая девочка с усталыми глазами. А пела веселые песни.

Пугачева всегда покоряла меня своей харизмой, умением общаться с людьми, способностью им понравиться, а, если не понравиться, то подчинить их себе. Все ее экстравагантные выходки вызывали у меня пусть не восхищение, но одобрение. Рефреном этому была мысль: «Если она есть и до сих пор дурит, значит жизнь продолжается и мы еще ого-го!».

А вот последнее десятилетие я к ней поостыла. Мне кажется, что осталась от нее только тень той Аллы, которую я знала и которую однажды видела вблизи. Веселая, разбитная, заводная на сцене и грустная вне ее.

В институте у нас был неплохой вокальный ансамбль, руководил им Александр Гуров, и я с большим удовольствием занималась в нем. Но Гуров уволился, у меня появились новые заботы и занятия пением прекратились.

Теперь почему РОК?

Была я девушкой самостоятельной, и новые веяния не очень меня задевали. Больше скажу, я относилась к увлечениям своих приятелей с юмором или пренебрежением, всегда искала во всем противоречия и не вливалась ни в какие модные течения. Никогда не была ничьим фанатом... Возможно, это не очень хорошо. А может быть, наоборот, избежала сложностей в своей жизни, потому что старалась быть немножко отстраненной от различных движений и группировок.

В один прекрасный день, когда мне было уже 33 года, муж принес три билета на рок-концерт.

Ленинградский Рок-клуб на тот момент недавно открылся и пользовался бешеной популярностью, но не у меня. В этом возрасте решения уже принимаешь обдуманно и не позволяешь себе скакать козой.

Муж сказал, что он на «такое» не ходит, а билеты ему достались на работе по великому благу, отказываться грех, было много желающих, вырывали из рук. В итоге, на концерт отправились мы с его другом Игорем Тимофеевым и братом Николаем.

Концерт был не на ул. Рубинштейна, а на Тамбовской ул. в ДК железнодорожников им. Дзержинского. На подходах к ДК творилось что-то невообразимое, метров за 300 нас взяли в жесткую шеренгу милиционеры. И правильно сделали. По-моему, если бы нас не

Октябрь 2018 г.
Концерт группы "Алиса"

охраняли, то толпа растерзала бы. И, несмотря на такую охрану, с Игоря сорвали красный с черным шарф, о котором он долго сокрушался, потому что для него это был просто шарф, а, оказалось, символика группы.

Мне из толпы кричали: «Бабушка, отдай билет, зачем он тебе». Причем это исполнялось дурными голосами в разных регистрах.

Совершенно ошалевшие, мы, наконец, попали в зал. Наши места были на балконе. Зал невелик. Для такой прорвы народа можно было бы придумать что-то попросторнее, но и за это спасибо.

Растрепанные и обалдевшие, мы заняли свои места и отдышались. Тимофеев громко гневался и жалел многострадальный шарф, а я задавала себе вопрос, что же

мы увидим, если такой ажиотаж в самом начале?

И вот после долгих свистков, топанья ногами, скандирования всякой чепухи, открыли занавес.

Рок до этого был для меня абсолютно враждебным направлением, я воспитывалась по другим канонам.

Во втором отделении выступала группа «Алиса». Ее скандальная известность уже набирала обороты и я была изначально настроена негативно. Сначала по одной-две композиции исполняли разные группы. Я даже запомнила некоторые названия: группу «Телевизор» освистали (на стене был нарисован схематично экран телевизора), группу «Последние известия» тоже (вся сцена была засыпана газетами и они же висели на стенах). Были и другие, но я их не помню. Еще раз убедилась, что это не мое, и была рада, что не ошиблась в оценке. Что-то шипящее, хрипящее, неритмичное, неприятное и неопрятное. Тем более, Тимофеев, которому я была навязана другом, тихо негодовал и плевался.

«Алиса». Это имя я никогда не любила и до сих пор не люблю. Но миг встречи с Лидером я не смогу забыть никогда.

Появился Константин Кинчев и не запел, нет, он бросил в зал вызов, призыв, и все, как один, отозвались каким-то неуловимым движением. Я слышала совсем другую музыку, чем до этого: ритмичную, мелодичную, да, с надрывом, но сильную и необычную. Я сказала Игорю: «Врага надо знать в лицо...», встала и пошла вниз, к сцене. Игорь обомлел и не успел схватить за руку, он боялся, что я попаду в лапы милиционеров. Мы же не знали порядки, по которым можно было действовать. А я шла на этот голос и ничего не замечала.

Никто меня не задержал, у сцены было мало народа, и все оставшееся выступление я простояла внизу, абсолютно покоренная мощью голоса, понимая, что, если этот человек позовет меня за собой, то я пойду, не задумываясь. Красивый, харизматичный, необыкновенный, он парил над толпой и распоряжался ею. Это была первая встреча с «Алисой». Потом я видела немало их выступлений, но первое впечатление оказалось самым сильным и неизменным.

Ленинградскому Рок-клубу исполнилось 40 лет. Прошла целая жизнь, и я вспомнила себя, стоящую около сцены, замороженная голосом, талантом и лидерством Константина Кинчева, и мое огромное уважение к нему, которое я пронесла через годы.

Вот такая получилась история с размышлениями и отступлениями.

PS. Наверное, если бы меня спросили: «Так какая же музыка тебе больше всего нравилась, каких исполнителей ты больше всего любила и любишь сейчас?» – я не смогла бы ответить на такой, казалось бы, простой вопрос. Музыкальные вкусы меняются с возрастом, с жизненным опытом. Иначе и быть не может. Каждый период жизни звучит

по-разному. Но то, что заложено в детстве, в юные годы, сохраняешь в своем сердце, бережешь в душе.

До сих пор я обожаю Клавдию Шульженко и серенаду Смита из оперы Бизе («На призыв мой нежный и страстный...»), «Одессу» из оперетты «Белая акация», «Осенние листья» в исполнении Гелены Великановой и пионерскую «Картошку».

Эти и десятки песен с пластинок прошлых лет до сих пор исполняются на наших соседских вечеринках. А «дурацкие» песни оказались самыми дорогими: и «Среди долины ровныя», и «Школьный вальс», и «Куда ведешь тропинка милая?» Разве можно перечислить даже малую их долю?

Можно слушать с обожанием Джо Дассена, можно любить Веронику Долину и ее «Гололед», Константина Кинчева «Небо славян ». И тут же «Валенки, не подшиты, стареньки», Аллу Пугачеву и ее «Я вернулась в свой город, знакомый до слез», Олега Погудина с его романсами, Тамару Синявскую и Галину Вишневскую с их ариями из великолепных опер.

Да, есть песни, не созвучные моему настроению, те, которые идут вразрез с моими идеалами, и те, которые я не приемлю по каким-то, даже для меня, непонятным причинам. Я оставляю это право «не любить их» за собой и не сужу строго. Возможно, я не доросла до их понимания. Кто знает?

Так вышло, что услышав фразу: «Ленинградскому Рок-клубу исполнилось 40 лет», я написала эти воспоминания, которые многих могут вернуть в те времена, когда «правили бал» не толпы полуголых безголосых исполнителей с экранов телевизоров, разменявших свой талант на «золотого тельца», а певцы с сильными голосами, для которых наличие микрофона на сцене было необязательным, а задушевность и строгий отбор репертуара становились решающими.